

грех

ИНОЙ ВЗГЛЯД

Just looking for
Гитаран

singnex
singnex

НОВЫЙ МИР

Ярослав Росиненков

Иной взгляд

«Автор»

2026

Росиненков Я. В.

Иной взгляд / Я. В. Росиненков — «Автор», 2026 — (новый мир)

Они думали, что их связывает только дружба. Оказалось — их связывает боль. В частной школе «Иной взгляд» учатся четверо подростков, которых объединяет только одно: они изгои. Син — холодный аналитик, скрывающийся за маской логики. Иори — «солнечный зайчик», чья улыбка давно стала броней. Марк — вечный шут, смехом заглушающий чувство вины. Катя — хранительница тишины, чье молчание прячет шрамы. Их спокойная рутина рушится, когда на школьном параде они начинают чувствовать чужую боль. Буквально. Сначала — страх и удушье, потом — чужие эмоции, а затем — чужие воспоминания. «Феномен» стирает границы между ними, насильственно вытаскивая на свет самые темные тайны, о которых каждый поклялся молчать. Пока подростки пытаются сохранить рассудок и не убить друг друга, на горизонте появляются новые угрозы: загадочные новички с военным прошлым, призрак уничтоженной частной армии ЛАС, корпоративные тайны семьи Виноградовых и трехлетняя девочка с фиолетовыми глазами, подброшенная на порог.

© Росиненков Я. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ярослав Росиненков

Иной взгляд

Глава

Глава 1. Спокойствие от лица Сина

Сегодня начиналась новая четверть в нашей частной школе. Что этот день принесет? Не знаю. Но привычный ритм — мой щит. Я быстро оделся и вышел, стараясь прийти вовремя к своей компании. Не то чтобы я боялся опоздать — просто мне нравится, когда всё идет по плану.

Улица встретила холодным дыханием. Пока шел, решил посмотреть новости в телефоне. На экране всплыло: «Сегодня — ежегодный парад в память о погибших в ЛАС три года назад». Я поднял глаза и заметил, как на фасаде одного из административных зданий вдалеке рабочие осторожно устанавливали на флагшток красно-золотой флаг Лесных Ассов — символ ЛАС. Знакомые цвета трепетали на ветру, вызывая в памяти смутные, почти стертые образы из новостей прошлого. Я лишь бегло пробежался глазами по тексту статьи — слишком много прошло, слишком много забыто. Или сделано вид, что забыто.

Когда дочитал, уже подходил к школе. Возле старого дуба, нашего обычного места сбора, никого не было. Я сел на холодную скамейку, засунул руки в карманы куртки. Тишина. Минут через три её нарушили шаги и голоса. К дубу подошла другая компания — под командованием Алины. Пф. Компашка у них прикольная, наверное. Но Алина мне не нравится. Не то чтобы прямо вот совсем — скорее, раздражает её поведение и некоторые люди, которые вечно крутятся рядом. Я отвел взгляд.

Потом услышал знакомые шаги. Это был Марк.

— Привет, Син. Что сидишь один, как философ на перепутье? Где девочки, слиняли в кафе без нас? — спросил он, плюхнувшись рядом с театральным вздохом.

— Привет. Ты сегодня первый, поздравляю. Девочки ещё не пришли, — ответил я ровно, без эмоций. Так спокойнее.

— Син, ты в курсе, что сегодня новая учительница и новая ученица? — глаза Марка блеснули азартом. — Говорят, учительница из самого МГПУ приехала, представляешь? Может, у неё в портфеле секретная формула или карта сокровищ? А новая — её протеже, наверное. Всё, теперь наша школа станет филиалом академии, мы все поголовно наденем лабораторные халаты.

— Прикольно. Но как эта информация лично мне пригодится? — я приподнял бровь.

— Да брось! Я хочу посмотреть её реакцию на Алину и Сашу. Они ведь ничем друг от друга не отличаются, аж жуть! Но при этом не близняшки и даже не сёстры. Представляю, как она будет метаться между ними: «Вы... вы кто? А вы?!» Забавно же! А мы с тобой сделаем ставки, угадаем, с кем она первую спутает.

— Тебе бы только посмотреть и посмеяться, — вздохнул я. — А ты подумал насчёт меня и Иори? У нас с ней не русские имена, а у неё ещё и японская фамилия. Представляешь, как новые будут путаться? Меня и тебя, допустим, ещё простят, а вот Иори...

— Син, ты прав, — Марк усмехнулся, но в его глазах промелькнула искра задора.

— Зато вас запомнят сразу. Представляю: «Иори Нагасэ и Син Виноградов» — звучит как название супергеройского дуэта! «Нага-Виноград», защитники от контрольных! Ты — мозг, она — скорость.

— Неадекват ты, Марк. Надо думать не только о себе, — сказал я спокойно, но уголок рта дрогнул.

На секунду его улыбка сползла, но он тут же перевел взгляд на подходящих девочек. Иори, как всегда, что-то увлеченно рассказывала Кате, жестикулируя.

— ...и потом я говорю: «Так это же не кофе, это краска!» — звонко смеялась Иори, её глаза сияли. — Ой, привет, мальчишки! Вы нас ждёте? — спросила она, и её голос прозвучал как колокольчик в утренней тишине.

— А как вы думаете? Без вас не пойдём, мы же не варвары какие-то, — парировал Марк, вскакивая. — О чём болтали?

— О приключениях Иори в художественном кружке, — улыбнулась Катя. — У неё каждый день как сериал.

— Весёлый сериал! — поправила Иори, подпрыгивая на месте. — А вы тут о чём? О новеньких? О, я слышала! Интересно, какая она? Надеюсь, тоже весёлая!

— Син уже строит теории заговора, — пошутил Марк.

— Я просто констатирую факты, — пожал я плечами.

— Факты — это скучно! Нужно больше драйва! — засмеялась Иори, и её энергия, казалось, разогнала остатки утренней сонливости.

Я же молча показал рукой в сторону школы, и мы двинулись вместе, под аккомпанемент болтовни Иори и реплик Марка.

Первый урок был с новенькой учительницей. Она нервно перебирала бумаги и начала проверять по списку. Голос дрожал слегка — видно, волнуется.

— Син Виноградов, ты тут? — позвала она.

Я встал.

— Да.

Коротко, ясно. Сел.

Потом были ещё имена, пока не дошла очередь до Иори.

— Иори Нага... Нагасэ? Ты здесь? — учительница с трудом выговорила фамилию.

В тот момент, когда Иори начала вставать, по классу прошел сдавленный смешок. Как всегда. Но я заметил — не смеялись только мы, наша компания, и... компания Алины. Они просто молча смотрели, без тени усмешки. И в этот миг я почувствовал неожиданную, тихую благодарность к Алине. Не за что-то конкретное. Просто за то, что в её глазах не было насмешки.

Урок начался. Я откинулся на спинку стула, поймал взгляд Иори. Она улыбнулась, словно ничего не произошло. А за окном медленно плыли серые облака, и день, только начавшись, уже казался бесконечно длинным.

После звонка, пока все расходились, я задержался. Увидел, как Алина одна собирает вещи у окна. Подошел, оперся о соседнюю парту.

— Спасибо, — сказал я просто.

Она подняла на меня удивлённые глаза.

— За что?

— Твои не засмеялись. Когда фамилию Иори читали.

Алина на секунду задумалась, затем пожала плечами, и в её взгляде промелькнуло что-то твёрдое, почти взрослое.

— А зачем смеяться, если причины нет? Фамилия как фамилия. Имя как имя. — Она захлопнула учебник. — И вообще, если надо, я тебе помогу. Или ей. Чтобы смеялись меньше.

Она сказала это так буднично, как о чём-то само собой разумеющемся, и повернулась к выходу.

— Понял, — кивнул я ей в спину. — Ещё раз спасибо.

Она лишь махнула рукой, не оборачиваясь.

Я вышел в коридор. Пока всё было спокойно. И это было главное. Но в воздухе, пахнущем мелкой пылью и старым деревом, уже витало что-то новое. Что-то, что могло это спокойствие нарушить. Или, наоборот, укрепить.

Глава 2. Проявление от лица Сина

Последний урок — физра. Подготовка к ГТО. Хорошо, что последний: пропотеешь, зато не придётся потом сидеть на математике, отравляя воздух вокруг себя запахом пота. Не самая элегантная мысль, но практичная.

Пока я завязывал шнурки, ко мне подошла Катя. Её тень упала на мои кросски.

— Син, о чём думаешь? — спросила она. В её голосе не было обычной лёгкости.

Звучало деловито, почти серьёзно.

— Думаю, что делать после уроков, — ответил я, не поднимая головы. — Бродить по жёлтым переулкам Вологодчины. Наблюдать, как свет падает на старую плитку. Искать закономерности в трещинах асфальта.

— А может, с нами пойдёшь на парад? — Катя сделала паузу, будто взвешивая мою возможную реакцию. Она присела на корточки рядом, чтобы наши глаза были на одном уровне. — Тот самый. В память о ЛАС. Марк вчера про него столько рассказывал, что Иори теперь не отстаёт: «Это же будет весело, там музыка, люди!» А я... я думаю, нам всем стоит пойти.

Я замер на секунду. Парад. Тот самый, о чём утром читал в новостях. Скопление людей, громкая музыка, флаги... Всё, что я обычно избегаю. Но альтернатива блуждать в одиночестве, пока солнце садится за панельки.

— Марк собрался рассказывать анекдоты в толпе, чтобы разрядить обстановку? — уточнил я сухо.

Катя усмехнулась, но уголки её губ дрогнули.

— Что-то в этом роде. Говорит, траур — не повод для уныния, а повод вспомнить что-то хорошее. Но я... Син, я просто думаю, что это важно. Посмотреть. Быть там. Не одному.

Её слова повисли в воздухе раздевалки, пахнувшей сыростью и старым деревом.

— Логично, — наконец сказал я. — Отвлекись от... всего этого. И понаблюдать за реакцией толпы — тоже интересно.

— Тогда как обычно, — кивнула Катя, и в её глазах мелькнуло что-то вроде облегчения. Она встала, отряхнула колени. — Собираемся у дуба после уроков. Не опаздывай, а то Иори начнёт паниковать, что ты передумал.

— Не начну, — раздался звонкий голос из-за угла шкафчика. Появилась Иори, уже переодетая. — Я просто пойду тебя искать! По всем переулкам твоей Вологодчины!

— Угрожающе, — констатировал я.

Катя покачала головой, улыбнулась по-настоящему и ушла, оставив меня наедине с Иори, которая принялась с энтузиазмом рассказывать о новом виде спорта, который она придумала — нечто среднее между баскетболом и балетом.

Решение было принято. Парад как способ «отдохнуть» — звучало как оксюморон, но, возможно, коллективное наблюдение за чужим прошлым было лучше, чем индивидуальное созерцание собственного настоящего.

Когда я вышел из раздевалки в зал, привычная картина дала сбой. На месте нашего вечно взъерошенного физрука стоял директор. Ярослав Росиненков. В своём безупречном тёмном костюме он выглядел здесь, среди потёртых матов и баскетбольных колец, как инопланетянин.

«Ох, емае, — пронеслось у меня автоматически. — Главное, чтобы класс вёл себя нормально. А не как в прошлый раз с водным поло».

Марк, уже разминавшийся у шведской стенки, присвистнул.

— Ничего себе сюрприз! Росиненков в зале — это как увидеть балерину в угольной шахте. Эй, Син, думаешь, он в костюме будет показывать нам strapon? Или у него под пиджаком спортивная форма с гербом ЛАС?

— Скорее всего, он просто будет наблюдать и делать пометки в блокноте, — ответил я, вставая в строй. — А потом вызовет особо отличившихся «на ковёр». Советую не выделяться.

— Не выделяться? Да это не в моих правилах! — Марк щёлкнул себя по лбу. — Если уж играть при директоре, то играть так, чтобы запомнили! Я сегодня буду как пантера! Быстрый, грациозный, смертоносный!

— Пантера, которую выбивают первой, — пробормотал я себе под нос, но Марк уже не слушал, обрабатывая мнимые удары по невидимому мячу.

Звонок. Я встал в строй первым — машинально, по привычке к порядку.

Марк втиснулся куда-то в середину, кривляясь, Иори затерялась в самом конце, Катя — неподалёку от Марка. Все выглядели немного насторожёнными под пристальным взглядом директора.

— Здравствуйте, — сказал Росиненков. Его голос, обычно мягкий и загадочный в кабинете, здесь прозвучал чётко и по-военному.

Класс ответил хором, но нестройно.

— Ваш учитель заболел. К чему он вас готовил — мне неизвестно, — продолжил директор, обводя нас взглядом. Его глаза, казалось, на секунду задержались на мне. Или мне показалось? — Поэтому сегодня — импровизация. Будем играть в вышибалы.

В зале пронёсся сдержанный вздох. Обычная игра. Ничего страшного.

— Нагасэ и Виноградов, — произнёс Росиненков, и моё имя прозвучало как приговор. — Вы будете вышибать. Остальные — в центр.

Иори встретила со мной взглядом. В её глазах читалась не тревога, а скорее азарт. «Покажем им!» — беззвучно шевельнула она губами. У меня же внутри всё сжалось в холодный комок. Мне дали меч? Нет. Мяч. Обычный резиновый мяч. Но в голове почему-то всплыло слово «меч». Странно.

Игра началась. Я целился, рассчитывал траекторию. Первой мишенью стала новенькая — робкая девочка, которая жальсь к стенке. Я замахнулся, мяч уже летел к ней...

И тут, словно из ниоткуда, появилась рука. Рука Алины. Она не кричала, не делала резких движений. Просто встала на пути, и мяч глухо ударился ей в плечо. Она даже не поморщилась, лишь отбросила его обратно мне, смотря прямо в глаза.

Я выбил. Но не новенькую. Алину. Самую сильную. Почему? Зачем она так поступила? Вопрос завис в голове, не находя логического ответа. Жертвенность? Глупость? Или что-то другое?

Мы с Иори продолжали. Она била яростно, с улыбкой, я — холодно и методично. Остался только Марк. Он вертелся как юла, выкрикивая что-то обидное.

— Эй, Син! Целься лучше! Ты бьёшь как бабушка на лавочке! Иори, красавица, давай слабее, а то мне страшно! — дразнил он, уворачиваясь от очередного броска.

Мы потратили на него целых двадцать минут. Время тянулось, как резина. Марк в итоге пал, споткнувшись о собственную ногу, но с триумфальным воплем: «Меня победила не ваша меткость, а коварный пол! Запомните этот день!»

— Молодцы, — наконец сказал директор, и в его голосе прозвучала лёгкая, едва уловимая усталость. — А теперь — Лорманов и Романенкова. Ваша очередь вышибать.

Марк, запыхавшийся, но сияющий, дал мне пять.

— Видал пантеру? Теперь наблюдай за ураганом! — пообещал он.

Марк и Алина. Дуэт, который в обычной жизни не пересекался, но на площадке становился машиной. Я встал рядом с Иори и Катей в центре зала. Мяч был у Алины.

Именно в этот момент всё и началось.

Сначала — просто странное чувство. Будто в груди что-то резко сжалось, и ноги на мгновение потеряли твёрдость. Не боль. Не головокружение. А... смесь. Как если бы в тебя одновременно вселились леденящий страх перед падением и дикая, безумная решимость прыгнуть. Адреналин, но искажённый, чужой. Я замер, пытаюсь анализировать это ощущение. Оно длилось секунду. Может, две.

И в этот миг мяч, пущенный Алиной с нечеловеческой силой, ударил мне прямо в висок.

Мир на мгновение вспыхнул белым, затем вернулся в резкость с лёгким звоном в ушах. Я пошатнулся и сел на ближайшую скамейку. Не из-за боли — удар был сильным, но не критичным. Я сел, потому что нуждался в анализе. Что это было? Паника? Сбой вестибулярного аппарата? Но оно было двойным. Чувство было не моим.

Пока Марк и Алина выбивали остальных, я наблюдал. Не за игрой, а за ними. За дыханием Иори, за напряжёнными плечами Кати, за ледяной концентрацией Алины. Я искал источник того странного «эха», что прокатилось по моей нервной системе.

Последней осталась Иори. Она отпрыгивала, смеялась, но в её глазах, когда мяч летел в неё, я увидел ту самую решимость, которую почувствовал. Только усиленную в сто раз. И страх? Да, тоже. Она продержалась дольше всех, но мяч Марка всё же настиг её.

Прозвенел звонок. Спасительное освобождение.

Я перевёл взгляд на Катю. Она стояла, слегка ссутулившись, обхватив себя руками, будто от холода. Её лицо было бледным. Она сжалась. Не физически — эмоционально. Как будто её что-то... задело. Глубоко. Она ловила ртом воздух, словно после долгого бега, хотя почти не двигалась.

Я медленно поднялся и подошёл сначала к Иори. Она отряхивала форму, всё ещё улыбаясь.

— Ну что? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ураган выдержала?

— Ещё бы! — она выпрямилась, глаза блестели. — Марк сильный, но предсказуемый. А Алина... она бросает как будто ненавидит этот мяч. Интересно.

— Ты была лучшей в центре, — сказал я просто, без пафоса. — Дольше всех продержалась. Это факт.

Её улыбка стала ещё шире, солнечной.

— Спасибо, Син! А ты сегодня какой-то... сосредоточенный. Всё в порядке?

— Всё логично, — ответил я, кивнув. — Просто много данных для обработки.

Я не стал подходить к Кате. Не сейчас. Логика подсказывала: нужно обработать данные в одиночестве, разложить всё по полочкам. Сначала это странное чувство, затем удар, теперь её реакция... Я встал и пошёл в раздевалку. Вода в душе смыла пот, но не смогла смыть вопрос, который теперь горел в мозгу ярче всего:

Что, если это ощущение было не моим? А если не моим, то чьим? И почему оно пришло именно в тот момент?

Вопросы висели в воздухе, густом от пара и невысказанных мыслей. Ответов не было. Пока.

Глава 3. Парад

От лица Сина

Когда я зашёл в класс за забытым рюкзаком, меня окликнули.

— Эй, Синоски!

Я обернулся. В дверном проёме стояла Алина, опираясь о косяк.

— Пошли. Классуха вызывает. Меня и тебя. Как старосту и заместителя.

Я нахмурился.

— А что произошло?

Она пожала плечами, но в её взгляде не было обычной отстранённости — лишь деловитая срочность.

— Если бы я знала, тогда бы тебя не звала. Дело серьёзное, так что надо побыстрее. Потому что у меня есть дела. Также как, наверное, и у тебя.

Она развернулась и пошла по коридору, не оборачиваясь. Выбора мне не оставили. Пришлось идти, проклиная в уме тот день, когда поддался на уговоры и согласился баллотироваться. «Просто техническая должность», — сказали они. «Бумажки собирать». В итоге я, конечно, проиграл. И стал «замом». Замом старосты. Великолепно.

— Алина, — догнал я её шаг. — А где Дэ?

— Поехал на кладбище, — коротко бросила она. — К отцу. Морозову. Годовщина, кажется.

Больше мы не разговаривали. Шли молча, под аккомпанемент эха наших шагов в пустом школьном коридоре.

Классный руководитель, Ольга Витальевна, сидела за столом и что-то нервно печатала. Увидев нас, вздохнула с облегчением.

— А, вот и вы. Садитесь.

Мы остались стоять.

— Так. К нам на следующей неделе поступают ещё два новых ученика. Фрост и Роуч. Вам, как активу класса, нужно будет помочь им влиться.

Я не удержался.

— А почему у них такие... имена? Фрост и Роуч? Мороз и Таракан? Это как-то...

— Не знаю, — резко перебила Ольга Витальевна. — Может, псевдонимы, может, переводные. Не наше дело. Ваше дело — донести до остальных и предупредить, чтобы не шутили про них. Особенно что они... детдомовские. Понятно? Сложности в жизни бывают у всех.

Мы с Алиной кивнули, почти синхронно. Миссия ясна.

— Всё, свободны.

Мы вышли. Алина тут же свернула в сторону выхода, махнув рукой на прощание. Я же направился к старому дубу, где договорились встретиться перед парадом.

Марк еле сдерживал Иори, которая, казалось, готова была рвануть куда-то прямо сейчас, излучая нетерпение.

— Син! Наконец-то! — почти взвыл Марк, удерживая Иори за капюшон куртки. — Помоги! Её уже понесло в сторону мороженого, а мы должны идти на парад!

— Ребята, я тут, — сказал я ровно. — Идёмте. На парад.

Иори мгновенно замерла и развернулась ко мне, сияя.

— Ура! Пошли-пошли! Я слышала, там будут оркестры и знамёна! Это же так весело!

— Весело — громко сказано, — пробурчал Марк, но пошёл рядом, расправив плечи. — Но где я, там всегда найдётся место остроумию и браваурному настроению! Не то что некоторым ледяным личностям.

Катя шла молча, немного позади, погружённая в свои мысли.

Мы двинулись к неоновой части города — деловому центру, где обычно и проходили все официальные мероприятия. Воздух постепенно наполнялся гулом толпы и далёкой музыкой.

— Ребята, — вдруг серьёзно спросил Марк, — а вы вообще знаете, что такое ЛАС и что с ним произошло?

— Да, — тихо, но чётко сказала Катя. Её голос прозвучал непривычно твёрдо.

Я и Иори переглянулись. Мы оба понимали, что знаем лишь обрывки.

— Тогда слушайте историю от главного эксперта по местному фольклору! — Марк тут же перешёл в режим рассказчика, жестикулируя. — ЛАС — это не просто буквы. Это «Лесные Ассы». Частная военная компания, базировавшаяся тут, в нашей области. Легендарные, мать их. Три года назад их базу... стёрли с лица земли. Уничтожили. Говорят, погибли все. Все, кроме четырёх человек. Одного из них мы знаем — это наш генерал-губернатор, Крылов. А вот остальные трое... Тени. Никто не знает, кто они. И этот парад — в их честь. В честь погибших. А ещё... — Марк понизил голос до драматического шёпота, — ходят слухи, что ЛАС уничтожил сам Маска. Да-да, тот самый, который сейчас, поговаривают, держит тёмную сторону нашего города на крючке.

Я слушал, пытаюсь отделить факты от вымысла. Иори внимала с широко раскрытыми глазами, как ребёнок страшной сказке.

— То есть... это как война? — спросила она.

— Не просто война. Эпичная битва! — парировал Марк. — Просто нам, обычным смертным, остаётся лишь кланяться праху и носить траурные ленточки.

Мы оба с Иори кивнули, больше чтобы не обидеть его пыл, чем из полного понимания.

— Друзья, вот мы и пришли, — без особой радости констатировала Катя, остановившись.

Площадь действительно была преобразена. Повсюду развевались красно-золотые флаги ЛАС. Люди, многие в чёрном, держали в руках фотографии — молодые лица в камуфляже, улыбающиеся в объектив, не зная, что это их последние снимки. Музыка сменилась торжественно-траурной мелодией, и ведущий объявил минуту молчания.

Толпа замерла.

И именно в эту тишину, тягучую и абсолютную, вновь впилося то самое чувство. Грудь сжало так сильно, что воздух перехватило. Это было не просто неприятно. Это было насильственно. Как будто на глубине, плывя баттерфляем, тебе вдруг приказывают: «Не дышать». И тело подчиняется против воли. Я едва сдержал кашель, глаза пошли кругом. Я начал метать взгляды по сторонам, ища источник, ища того, кто мог это послать. С Катей, казалось, было всё в порядке — она стояла с закрытыми глазами, бледная, но спокойная. Иори смотрела в землю, серьёзная.

Но Марк... Марк стоял, согнувшись, одной рукой вцепившись в грудь, другой — в колонну фонаря. Его лицо исказила гримаса боли.

Минута закончилась. Толпа снова зашевелилась. Я и Иори, не сговариваясь, подхватили Марка под руки и увели в боковую улочку, подальше от давящей массы людей.

— Марк, что с тобой? — спросил я, усаживая его на низкий парапет.

Он отдышался, вытирая лоб.

— Чёрт... Син, не знаю. Резко... в груди светло. Железной рукой. И ноги... как будто судорогой. Сильно. Страстно, блин, очень страстно болело. Прямо как в том аниме... — он попытался улыбнуться, но получилась жалкая гримаса. — «Ха-ха... По профессии я — бог, а по жизни — лох».

— О! Это же из «Бездомного бога»! — воскликнула Иори, но тут же прикусила язык, увидев его состояние.

Я ничего не понял из этой отсылки, но понял другое — это не случайность. Это было со мной, а теперь с ним. И это было ужасно похоже.

— Ребята, давайте разойдёмся по домам, — предложил я, поднимаясь. — На сегодня впечатлений хватит.

— Син, ты чего? Мы только начали гулять! — Марк вскочил, уже почти приходя в себя, и развёл руками. — Нельзя отступать перед лицом мелкой телесной неурядицы! Это всё нервы от торжественной обстановки! Надо развеяться!

— Я с Марком полностью согласна! — живо поддержала Иори, снова заряжаясь энергией. — Тем более, зачем расходиться, если мы можем провести время вместе? Я знаю отличное место — Восточный парк! Там сейчас фонари горят, и, говорят, фонтан цветной включают!

Катя молчала, но её молчание было знаком согласия. Противиться этому напору было бессмысленно.

Мы пошли в Восточный парк. Сумерки сгущались, зажигая в небе первые звёзды и жёлтые огни фонарей вдоль аллей. Иори шла впереди, рассказывая о том, как здорово было бы устроить здесь пикник летом, и вдруг, оглядываясь на нас, споткнулась о неровную плитку.

— Ой!

Она едва удержала равновесие. Но в тот же миг Марк, шедший рядом, резко охнул и схватился за колено.

— Ай, чёрт! — вырвалось у него. — Колено... стрельнуло, будто мне в него шуруп вкрутили! Откуда что взялось...

Он потёр колено, лицо на миг скривилось от боли, но затем он махнул рукой.

— Ладно, прошло. Видимо, старею, кости болят. Иори, смотри под ноги, а то меня, старика, на ровном месте калечишь!

— Прости! — зашебетала Иори, но её взгляд на секунду стал внимательным, изучающим. Она посмотрела на меня. Я встретился с ней глазами и едва заметно покачал головой: «Позже».

Мы прошли ещё немного, как вдруг Иори, засмотревшись на гирлянды, столкнулась с человеком, выходящим из-за поворота.

— Ой, простите!

Человек был странный. Высокий, худой. Его глаза... они казались неестественно бледными, почти белесыми. И через лицо, прямо через закрытые веки, шли две тонкие, чёткие татуировки — тёмные полосы, как шрамы или ритуальные отметины.

— Ничего, — пробормотал он голосом без интонации, даже не глядя на неё, и продолжил свой путь, быстро растворившись в тени деревьев.

Первым моим импульсом было броситься за ним, потребовать объяснений, но я резко перевёл внимание на Катю. Она стояла, прислонившись к стволу дерева, дыша часто и поверхностно, будто только что пробежала марафон. Она сжала ладони в кулаки, и её трясло.

— Катя? — тихо позвала Иори.

— Всё... всё в порядке, — выдохнула та, не открывая глаз. — Просто... душно. Всё прошло.

Но ничего не прошло. Всё только начиналось. Татуированный незнакомец, синхронные боли, это давящее, чужое чувство в груди... Данные накапливались, но картина не складывалась. Она дробилась, как отражение в разбитом зеркале. А самое странное было то, что Иори, наш вечный лучик света, теперь тоже иногда смотрела куда-то внутрь себя с той самой несвойственной ей серьёзностью.

Я посмотрел на флаг ЛАС, трепетавший на ветру на дальнем флагштоке, и впервые подумал, что, возможно, прошлое — это не то, что остаётся позади. Иногда оно догоняет. И бьёт точно в цель.

Глава 4. Вечер

От лица Марка

Вчера на параде я профукал всю атмосферу из-за нервов и этой дурацкой боли в груди. Ни черта толком не разглядел, не пообщался с народом. Ладно, ничего. До конца школы ещё два года — успею насмотреться на все парады, фестивали и прочие сборища. Я ещё тут буду главным по развлечениям, вот увидите.

А сегодня... сегодня надо выгулять себя и компанию. Сидеть дома — это не про меня. Надо поднять боевой дух после всей этой траурной мишуры.

Первым делом — Иори. Без её энергии никакая прогулка не в кайф.

— Иори, пойдёшь? — спросил я, подкатившись к её парте.

— Куда? — Она оторвалась от блокнота, в котором что-то с энтузиазмом разрисовывала.

— Куда угодно! Город, парк... Можем и в аниме-магазин новый заглянуть, что на Якорной открылся. Говорят, там диковинки всякие, — подмигнул я, зная её слабость.

Её глаза мгновенно зажглись, как два прожектора.

— Правда?! Чур, с тебя один подарок! Ты же обещал как-то компенсировать, что я за тебя контрольную по истории сделала!

— Малолетка, — фыркнул я, но потерпел. — Контрольную я сам списал, ты только отвлекла Крюгера. Но ладно, ладно, выбирай что-нибудь недорогое. И договорились — не больше одной манги.

Она и так уже улыбалась, а теперь её улыбка стала настолько широкой и солнечной, что, казалось, осветила весь полутемный класс. Низенькая, самая младшая в параллели, но энергии в ней — на три завода. С ней скучно не бывает.

Теперь надо заручиться поддержкой остальных. Глянул на часы. Перемена ещё минут десять — успею.

Син. Вот с ним сложнее. Этот наш «ледяной философ» может быть где угодно — от чердака до котельной. Иори и Катя сидят в классе, а вот Белоснежка пропадает за секунду. Пока не растерял остальных, решил начать с Кати. Она сидела у окна, смотря на двор.

— Катя, идёшь гулять? — спросил я, присаживаясь на соседнюю парту.

Она медленно перевела на меня взгляд, будто возвращаясь из далёких мыслей.

— Гулять? А... да, пожалуй. Куда?

— Пока план такой: город, аниме-магазин (по просьбе нашей солнечной девочки), потом куда глаза глядят. Главное — не сидеть в четырёх стенах.

Она кивнула, и в её глазах промелькнула слабая искорка интереса.

— Да, это... это будет хорошо. Только давайте не слишком поздно.

— Организацию вечера беру на себя! — отрапортовал я. — Осталось только найти нашего бродягу.

В класс как раз зашла Алина. Староста. Может, знает? Хотя с ней общаться... странно. Она как будто из другого теста сделана — слишком серьёзная, слишком закрытая. Не моя компания. Но ради Сина можно и зубы сжать.

— Староста, — обратился я, стараясь звучать максимально нейтрально. — Не в курсе, где Виноградов?

Она остановилась, оценивающе глянула на меня. Её взгляд всегда был таким — будто она тебя насквозь видит и уже составила досье.

— Лорманов, мы в России, а не в Японии. Формальности излишни, — сухо отметила она. — Син разговаривает с Дэ. На первом этаже, у выхода.

— Спасибо, — сказал я и, сам не знаю почему, машинально слегка поклонился, будто перед классным руководителем. Чёрт, точно она на меня давит.

Она лишь кивнула и прошла дальше, к своему столу.

Я отправился на первый этаж. Спускаясь по лестнице, вдруг почувствовал что-то новое. Не боль, нет. Странную... лёгкость. Будто мышцы сами по себе двигались с непривычной свободой, почти по-кошачьи. Радость от самого движения? Фигня какая-то. Очень странно. Очень. Я пожал плечами, списав на остатки утреннего адреналина.

Внизу, у бокового выхода, стояли Дэ и Син. Дэ что-то говорил тихо и серьёзно, а Син слушал, скрестив руки.

— ...Да, спасибо, что передашь, — донёсся до меня голос Дэ.

Они кивнули друг другу — их общение всегда было каким-то минималистичным — и Дэ ушёл в сторону спортзала. Син повернулся и пошёл в мою сторону.

— Син, ты пойдёшь гулять? — выпалил я. — План огонь: город, аниме-магазин, приключения. Иори уже на взводе.

Син замедлил шаг, его лицо оставалось невозмутимым.

— Марк, я не пойду. Мне надо до Саши сходить, принести ей кое-какие вещи с уроков.

— Опять к сестре играешь в няньку? — вздохнул я. — Ладно, командир. Удачи. Передавай ей привет.

Он кивнул и направился к гардеробу. Без него, конечно, будет не совсем то, но трое — тоже команда.

Урок литературы с новой учительницей прошёл вяло. Она задала выучить к следующей неделе стих какого-то забытого символиста. Скукотища. Но я уже видел себя на улице, так что терпел.

Наконец звонок! Мы втроём — я, Иори и Катя — высыпали на улицу. Вечер был прохладным, но ясным. Фонари только начинали зажигаться, окрашивая всё в тёплый жёлтый свет.

— Так, куда направляемся, капитан? — спросила Иори, подпрыгивая на месте.

— Сначала — марш-бросок до Якорной улицы, в храм отаку! — объявил я, указывая рукой вперёд. — А там видно будет.

Пока мы шли, Иори без умолку болтала. О новом сезоне аниме, о том, как здорово было бы научиться играть на чём-нибудь.

— ...и гитара, между прочим, это очень круто! — говорила она, жестикуюлируя. — Можно песни подбирать из аниме, можно свои писать! Вот только хорошая дорогая... А в музыкалке, говорят, можно бесплатно учиться, если пройти отбор.

— Ты бы ещё на сямисэне научилась, — пошутила я. — Под сакуру бы сидела, наигрывала.

— Не, гитара универсальнее! — парировала она. — Она и под балладу, и под рок. Представляешь, я бы могла играть опенинг из «Твоего апреля»?

Катя, которая шла молча, вдруг тихо сказала:

— Ты бы наверняка быстро научилась. У тебя слух хороший.

Иори просияла ещё больше.

Мы свернули на Якорную. Улица была узкой, с небольшими магазинчиками. И вот он — «Акацуки», новый аниме-магазин. Витрина была завешана постерами с яркими персонажами, внутри горел неон.

— О-о-о-о! — выдохнула Иори, замирая на пороге. Она просто стояла, вглядываясь в это буйство красок и образов.

— Ну что, заходим? — подтолкнул я её лёгонько.

Она сделала шаг внутрь...и вдруг замерла снова. Полный ступор. Её тело напряглось, глаза стали пустыми, смотрящими в никуда. Она не двигалась несколько секунд, что показалось вечностью.

— Иори? Что с тобой? — озабоченно спросила Катя, касаясь её плеча.

Та вздрогнула и словно оттаяла, моргнув.

— Я... я не знаю. Просто в какой-то момент... всё остановилось. Я не могла пошевелиться. — Она растерянно улыбнулась, отмахиваясь. — Да и ладно, наверное, перевозбудилась! Марк, ты купишь мне мангу «Связь сердец»? Или, может, «Этот глупый свин не понимает мечту девочки-зайки»?

— Только одну, помнишь уговор? — напомнил я, стараясь скрыть беспокойство. Что это было? Снова эти странности?

Пока Иори с азартом металась между стеллажами, я огляделся. Магазин был небольшой, но битком набитый. Стеллажи до потолка с фигурками, коробки с коллекционными картами, стойки с одеждой с принтами. В воздухе витал запах новой полиграфии и пластика. У кассы сидел угрюмый парень в очках, уткнувшийся в ноутбук.

— Марк, а как там твоя гитара поживает? — спросила Катя, разглядывая брелок с Тоторо.

— В углу пылится, — честно признался я. — Три аккорда выучил и забросил. А ты? Не хочешь чего-нибудь?

Она покачала головой.

— Просто посмотрю.

— А как там твоя манга поживает? — спросила Катя у Иори, когда та вернулась с двумя томами в руках, выбирая.

— О! — Иори снизила голос до таинственного шёпота. — Она пока-что пишется. В строжайшем секрете! У меня там сюжетный поворот такой... Никому не скажу!

В итоге она выбрала первый том «Связи сердец» и с торжествующим видом протянула его мне. Пришлось раскошелиться. После оплаты я с тоской взглянул на остаток на карте — три тысячи до следующего месяца.

Нормально, проживём. Главное, чтобы до дня рождения Иори ещё что-нибудь не случилось, а то на подарок не накоплю. Она в прошлом году намекала на один крутой сборник табов для гитары...

На улице уже совсем стемнело. Мы побрели дальше, без конкретной цели.

— Может, на набережную? — предложила Катя.

— Давайте на горку! — воскликнула Иори, указывая на небольшой холм в конце улицы, откуда открывался вид на часть города. — Там здорово!

Мы поплелись туда. Холм был пустынным, только ветер гулял по жухлой траве. Вид и правда был ничего: огни города, тёмная лента реки вдали.

И тут это началось снова. Сперва лёгкое покалывание в кончиках пальцев. Потом — знакомое, леденящее удушье. Воздух будто стал густым, как сироп, и не хотел заполнять лёгкие. Я сгрёбся, делая короткие, прерывистые вдохи.

— Марк? — тревожно позвала Катя.

Я не мог ответить. Поднял голову и увидел Иори. Она стояла, отвернувшись, но её поза была неестественной. Она одной рукой судорожно сжимала свой левый бок, чуть ниже рёбер, будто ловила судорогу. И дергала за хвостик своей куртки, который действительно торчал с левой стороны, снова и снова, с каким-то одержимым, механическим упорством.

Боль, паника, это жуткое ощущение потери контроля — всё смешалось в один клубок. И так же резко, как началось, всё отпустило. Воздух хлынул в лёгкие, тело обмякло.

— Фух... — выдохнул я, вытирая холодный пот со лба. — Всё. Всё, ребята. По домам. Уже седьмой час, темнеет.

На этот раз никто не стал спорить. Иори молча кивнула, её весёлость куда-то испарилась, лицо стало сосредоточенным и усталым. Катя лишь обняла себя покрепче.

Мы молча пошли обратно, к остановке. В голове стучало: «Что это было? Опять? Почему у неё тоже?» Вопросов было больше, чем огней в том городе внизу. И ни одного ответа. Только тишина, нарушаемая нашим неровным дыханием и далёким гулом машин.

Глава 5. Связи

От лица Сина

Сознание вернулось не плавно, а резким, болезненным толчком. Я проснулся от жуткой, глубокой боли в боках и шее, будто всю ночь провел в неудобной петле, а не в собственной кровати. Чёрт. Значит, вчерашнее напряжение не ушло, оно впиталось в мышцы, превратилось в тупое, ноющее напоминание. И этот отец Саши... Его голос, полный немого укора, все еще стоял в ушах. Вчера он так меня напугал своим внезапным визитом, что я буквально впал в ступор, не мог пошевелиться. Неприятное, чуждое чувство беспомощности.

Надо сходить умыться. Холодная вода – лучший способ стереть остатки сновидений и вернуть контроль над телом. Я уже сел на кровати, когда в кармане джинсов, брошенных на стул, завибрировал телефон. Кому я нужен в шесть утра? Секунда на анализ: звонок, а не сообщение. Срочно. Марк. Другой бы на такое время не позвонил.

— Привет, Марк. Что случилось? — Голос мой звучал хрипло от сна.

— Син, привет. Ты уже в курсе? — в трубке слышалось непривычно взволнованное, почти паническое дыхание.

— В курсе чего? Говори конкретнее.

— Помнишь, на параде? Я чуть не рухнул. Эта... фигня с грудью.

— Ну, да. И что? Ты хочешь этим сказать, что это повторилось? — Я встал и подошёл к окну, отдернув шторы. Утро было серым, бесцветным.

— Хуже. Син, вчера это появилось не только у меня. — Он сделал паузу, будто собираясь с мыслями. — Я ходил с девчонками. Иори... у неё тоже было. И не только она.

— Марк, я тебя не понимаю. Ты скачешь с темы на тему. Можешь нормально объяснить? По пунктам. — Я включил холодный, аналитический режим. Это успокаивало.

— Ладно. Син, что ты делал вчера примерно в четыре часа? — его голос стал настойчивым.

Мысленно я прокрутил вчерашний день. Отец Саши. Его внезапный приход. Одежда, которую он принёс для неё, и его взгляд — смесь вины и требования.

— Я... стоял в ступоре. Из-за отца Саши. Буквально не мог двинуться с места минуты две, может, три. Почему?

— Потому что примерно в это же время Иори в аниме-магазине впала в такой же ступор. Замерла, как статуя. А я почувствовал это самое удущье. И Катя... с ней тоже что-то было. Значит, это... Син, это какая-то хрень синхронная. Давай сейчас встретимся. Около школы. Надо обсудить, пока все не разбежались.

— Окей. Через сорок минут.

— Марк, какого хр... — начал я, но он уже сбросил. Не в его стиле. Значит, дома у него действительно что-то творится, если он так взвинчен.

Утренние процедуры прошли на автомате: ледяная вода на лицо, чёткие движения зубной щёткой. Ритуал порядка. Пока я вытирался, в дверь просунулась сонная голова.

— Син... ты сегодня во сколько вернёшься? — спросила Рейки, моя младшая сестрёнка. В её глазах была та же неуверенность, что и всегда после визитов отца.

— Постараюсь пораньше, Рейки, — сказал я. — Не задержусь. Нужно что-то?

— А... конфет купишь? «Рафаэлло»? — она сделала большие глаза, её коронный приём.

— Ради тебя куплю, — согласился я, проводя рукой по её растрёпанным волосам. — Только не уписывайся ими до ужина. И уроки сделай.

— Сделаю! — она просияла и потянулась обнять меня. Я позволил, на секунду ощутив её хрупкость. Ей нужна была эта стабильность. Хотя бы в мелочах.

Одевшись, я вышел на улицу. Воздух был холодным и влажным, пахло опавшей листвой и далёким дымом. Вологодчина просыпалась медленно, троллейбусы с скрипом ползли по мокрому асфальту. И тут, на полпути к остановке, меня накрыло. Резкая, пронзительная боль в правой руке, будто я с размаху упал на неё или получил сильный удар. Я ахнул, инстинктивно схватившись за запястье. Никаких повреждений. Боль ушла так же быстро, как пришла, оставив после себя лишь странное, пульсирующее эхо. Чёрт. Что за фигня? Это уже никак логике не поддавалось. Не моя боль. Чужая. Но чья?

Чтобы отвлечься, я полез в телефон, за новостями. Головоломка требовала фоновых данных. «Маска начал увеличивать продажу оружия на чёрном рынке. Его до сих пор не могут найти: дело передано не только полиции, но и ГБР, ВГБ и приданному отряду «141». Интересно. Усиление активности. «В 2026 году ожидается релиз долгожданного ремейка «Готики». Хорошая новость. Надо будет проверить, потянет ли мой комп. Пока я вёл этот внутренний монолог, анализируя разрозненные факты, ноги сами принесли меня к школе.

Марк уже ждал у ворот, нервно переминаясь с ноги на ногу. При моём приближении он резко обернулся.

— Эй, Марк. Раскрывай карты. О чём хотел поговорить? — спросил я, останавливаясь перед ним.

— Син, я копал. Эта фигня... она очень странная. Вчера, когда мы гуляли, и Иори застыла в магазине — это было около четырёх. Ты сказал, у тебя тоже в это время был ступор. Мне кажется, это всё связано. Не случайно.

— Так. То есть ты предполагаешь, что если кто-то из нас... испытывает сильную эмоцию, боль, что угодно – остальные это чувствуют? — сформулировал я гипотезу, сам поражаясь её абсурдности.

— Да! Именно! Или можем почувствовать то, что внутри происходит. Как какой-то... общий канал! – Марк говорил быстро, его глаза горели азартом первооткрывателя, смешанным со страхом.

—И как ты хочешь это доказать? – спросил я скептически. – Нам нужны контролируемые условия, данные, исключение случайных факторов...

— Я пока думаю! Но я не хочу чувствовать эту фигню, Син! Особенно чужую! — в его голосе прозвучал genuine испуг, который он тут же попытался заглушить бравадой. — Хотя... если это боль Иори, то, может, и ничего... Шучу, шучу!

— Марк, ты лучше справляешься со шутками, чем с теориями заговора, — сухо заметил я.

— Возможно, — он вздохнул.

И в этот момент я почувствовал это. Не боль. Тепло. Мягкое, разливающееся тепло в груди, будто кто-то прижал к сердцу грелку. Оно было приятным, но оттого не менее чуждым.

— Син? Что с тобой? — насторожился Марк, заметив изменение в моём выражении лица.

— Ничего. Просто... почувствовал тепло в груди. Не моё.

— Видишь! — воскликнул Марк. — Оно работает в обе стороны!

— Син, какие у тебя сегодня планы? — спросил он, меняя тему, будто боялся слишком глубоко залезать в эту пугающую реальность.

— Планирую сходить в магазин за конфетами для сестры, — ответил я.

— Син, ты сестра люб! — засмеялся он, и в его смехе слышалось облегчение.

Я ничего не ответил. Просто подошёл, быстрым движением захватил его за руку и корпус и мягко, но чётко уронил на спину на мягкую траву у забора. Приём был отработан до автоматизма.

— Эй, Син! Че нафиг? Зачем? — возмущенно выдохнул он, лёжа и моргая.

— Просто чтобы не говорил фигню, — пояснил я ровным тоном.

Марк только улыбнулся снизу вверх и кивнул, принимая правила игры. Я уже протягивал руку, чтобы помочь ему подняться, как вдруг почувствовал, как кто-то лёгкий, но цепкий запрыгивает мне на спину и обвивает шею руками.

— А теперь – полный вперед, в школу! — прозвенел над самым ухом голос Иори.

Марку помогла подняться Катя, которая подошла как раз вовремя. Её лицо было спокойным, но глаза внимательно изучали нас. Иори, не слезая с меня, принялась болтать о чём-то весёлом, и мы всей гурьбой двинулись к входу.

В классе уже было шумно. Едва я стряхнул с себя Иори (она спрыгнула со смехом), ко мне подошла новенькая, София.

— Привет, — сказала она тихо, но уверенно.

— Привет. Что-то случилось? — спросил я, по привычке переходя к сути.

— О, София! Привет! Как у тебя дела? — вмещалась Иори, подсакивая к нам.

— Да нормально, — улыбнулась София. — Вот завтра буду знакомиться с семьёй моего опекуна. Немного волнуюсь.

— Прикольно! — Иори подпрыгнула. — Надеюсь, они классные!

— Иори, а какие у тебя... отношения с замом? — София кивнула в мою сторону, и в её глазах мелькнул неподдельный интерес.

«Ну вообще-то у меня есть...» — промелькнуло у меня в голове, но я вовремя остановил эту мысль.

— София, ты про этого белобрысика? — Иори хлопнула меня по плечу. — Просто дружеские! Он как братик, только слишком умный и скучный!

— Иори, блин, у меня есть имя, — напомнил я без особого энтузиазма.

— Прости меня, Синоски, — засмеялась она, — но у тебя такие прикольные волосы! Кончики чёрные, а все остальные — белые. Как у анимешного героя!

— Хи. «Синоски». Тебе повезло с Иори, — с лёгкой усмешкой сказала София и направилась к своей парте.

Тут Иори наконец спрыгнула с меня окончательно, и я почувствовал... лёгкое жжение в пояснице. Небольшое, но отчётливое.

— В школе неприемлемо так передвигаться и, тем более, кататься на однокласснике, — раздался ровный, холодный голос. Это была Алина. Она подошла, и за её спиной, как тень, стоял Дэ, молча наблюдающий за происходящим. Его взгляд был невозмутимым, как всегда.

— Поняла, я, староста, — проямлила Иори, немного съжившись.

— А ты, Син, почему это позволяешь? — Алина перевела на меня свой пронзительный взгляд.

— Я ничего не позволял. Это была её инициатива. Я лишь являлся средством передвижения, — ответил я, пожимая плечами.

— Средство передвижения тоже должно иметь границы, — парировала Алина. Дэ за её спиной едва заметно коснулся губу.

— Принял к сведению, — кивнул я и направился к своей парте, чувствуя, как жжение в пояснице понемногу стихает.

Ко мне тут же подскочил Марк, его глаза сверкали.

— Син! Я могу тебе привести доказательство! Прямо сейчас!

— Ну и какие? — спросил я, смотря прямо перед собой.

— Вот, Алина только что ударила Иори по пояснице? Нет, словесно отчитала. Но ты тоже за свою поясницу держался! Я видел!

— Марк, это косвенное доказательство. Недостаточное. Нам нужен контролируемый эксперимент, — отрезал я.

— Ну, тогда ударь меня! Давай! — выпалил Марк, подставляя щёку. — Сильно, чтобы я почувствовал! И посмотрим на остальных!

Я пожал плечами. Логика эксперимента требовала действия. Я развернулся и отвесил ему несильную, но звонкую, чёткую пощёчину. Он аж пошатнулся, потирая щёку.

— Ё-моё... а ты не жалеешь...

Я не слушал его. Моё внимание было приковано к Иори и Кате. Иори вскрикнула и прикрыла ладонью свою щёку, широко раскрыв глаза. Катя же, сидевшая за своей партой, медленно, почти неосознанно, подняла руку и прижала её к своей щеке, её лицо выразило лёгкую боль и глубочайшее недоумение.

Теория Марка работала. На физическом, болезненном уровне. В моей голове, где всё обычно раскладывалось по полочкам, начался хаос. Логики не было. Была лишь констатация абсурдного факта: мы были связаны. Каким-то необъяснимым, мучительным образом.

— Марк, — тихо сказал я, отводя его в сторону. — Значит, будет совещание. После уроков. Тихое место.

— Понял, командир, — кивнул он, уже без тени шутки.

Я подошёл к Иори и Кате. Иори смотрела на меня с упрёком и вопросом, Катя — со спокойной, но глубокой тревогой.

— Иори, Катя. Сегодня, после уроков, надо погулять. Обсудить... одну странность. Вы с нами?

Они переглянулись. Иори кивнула быстро, её любопытство явно перевешивало обиду. Катя ответила медленным, но твёрдым кивком.

— Да, — просто сказала она.

Прозвенел звонок. На первый урок, алгебру, вошёл наш учитель Росиненков.

В его руках не было учебников, только тонкая папка.

Объявил он, обводя класс тем самым всевидящим взглядом. — Сегодня у нас будет практикум по решению нестандартных задач. Задачи... на выявление связей и закономерностей в кажущемся хаосе.

Его слова прозвучали как эхо моих мыслей. Он сел за учительский стол и начал диктовать условие первой задачи. Но я почти не слышал. Я чувствовал. Лёгкую головную боль, идущую. Смутное волнение. Упрямую сосредоточенность.

Данные накапливались. Связи проявлялись. Сегодня, после уроков, нам предстояло сделать первый шаг в эту новую, пугающую реальность. И я не знал, хотим ли мы узнать, что лежит за пределами. Но отступить было уже некуда. Логика событий была запущена.

Глава 6. Трещина

От лица Иори

Круг первый: Класс. Аквариум.

Ах. Ах. Ах.

Дыхание. Оно начало сбиваться где-то глубоко в животе, поднимаясь к горлу короткими, колючими спазмами. Не сейчас. Только не сейчас. Я сжала кулаки под партой, впиваясь ногтями в ладони. Острая, знакомая боль – моя, настоящая – на секунду прорезала туман паники. Сосредоточиться. На чём угодно.

«Итак, рассмотрим фазы митоза на примере клеток кончика корешка лука», — голос учительницы биологии, Валерии Романовны, плыл где-то издалека, как радио из соседней квартиры.

Я перевела взгляд через проход. Син. Он сидел, идеально прямой, его чёрно-белая голова слегка наклонена к тетради. Он что-то чертил – не просто записывал, а выводил чёткие схемы, стрелочки, алгоритмы. Разбирал живое, пульсирующее чудо деления клетки на сухие, логические этапы. «Профаза, метафаза, анафаза, телофаза». Как будто жизнь можно упаковать в четыре коробочки. Мне вдруг дико захотелось швырнуть в него ластиком, чтобы он хоть раз вздрогнул.

Рядом с ним Марк. Он не слушал. Он под партой листал что-то на телефоне, изредка поглядывая на Сина и Катю, которая сидела прямо передо мной. Её спина была напряжённой дощечкой. Она не писала, а просто смотрела в учебник, но я знала — она не видела картинок. Она была где-то далеко. В своей тихой, страшной дали.

А я... я была здесь. В этом душном аквариуме, где воздух густой от запаха мела, старого дерева и чужого пота. Где каждый взгляд — это крючок, цепляющийся за кожу.

— Эй, братан, — шипение донеслось сзади, от парты, где сидели Глеб и его прихвостень Стас. — Опять японке не сидится. Гляди, как дышит, как паровозик.

— Может, ей в анимешках своих душно? Надо как-нибудь проучить. Освежить.

Слова, тупые и липкие, облепили меня со всех сторон. Обычно я бы огрызнулась. Закричала. Швырнула бы в них учебником. Но сегодня... сегодня внутри всё было настолько хрупко, что любое движение грозило полным разломом. Гнев, яростный и жгучий, подкатил к горлу. Я сглотнула его, почувствовав привкус железа.

Иори, успокойся. Нельзя. Никак нельзя. Сделай вдох. Выдох. Не получилось. Просто выйди. Уйди.

Я подняла дрожащую руку. Голос, когда он прозвучал, был тоньше и выше, чем я хотела.

— Валерия Романовна... можно выйти?

Учительница оторвалась от микроскопа, посмотрела на меня поверх очков. В её взгляде не было ничего, кроме лёгкой усталой озабоченности.

— Иори? Конечно, выйди. Только не задерживайся.

Я встала. Ноги были ватными. Спинка стула скрипнула, и этот звук прозвучал на весь класс, как выстрел. Я чувствовала десятки глаз на своей спине. В том числе – быстрый, аналитический взгляд Сина, встревоженный – Марка, и тяжёлый, неподвижный – Кати. Я не обернулась. Просто пошла к двери, держась за спинки парт, будто тонула.

Круг второй: Коридор. Пустота.

Дверь захлопнулась за мной, и мир сменился. Шум класса остался за толстой деревянной дверью, превратившись в глухой, невнятный гул. Я оказалась в длинном, пустом коридоре. Свет из больших окон падал на линолеум, выхватывая пылинки, танцующие в воздухе. Было тихо. Слишком тихо. Тишина звенела в ушах, заполняя ту пустоту, что раньше занимали голоса.

Я пошла. Мои шаги отдавались гулким эхом, будто за мной шёл кто-то невидимый, повторяя каждый мой неуверенный шаг. Тук. Тук. Тук. Звук биения собственного сердца? Нет, это эхо. Эхо моих мыслей в пустом черепе. Коридор казался бесконечным. Двери в классы были закрыты. За стеклянными вставками – размытые силуэты, чужие жизни, которые текли своим чередом. Я была призраком в этой системе. Выпавшим элементом.

Здесь, в этой пустыне из света и линолеума, маска начала сползать сама собой. Улыбка, которую я носила как щит, растворилась, оставив лицо холодным и гладким, как фарфоровая кукла. Я подошла к окну в конце коридора. Упираясь лбом в холодное стекло, я смотрела на школьный двор, на голые деревья, качающиеся на ветру. Где-то там была жизнь, движение. А здесь, внутри, – только эта давящая, невыносимая тяжесть. Как будто меня залили свинцом. Дышать становилось всё труднее. Воздух казался густым, как сироп.

Нельзя здесь оставаться. Они увидят. Все увидят, какая я на самом деле. Надо спрятаться.

Круг третий: Туалет. Отражение.

Дверь в женский туалет отворилась с лёгким скрипом. Внутри пахло хлоркой, дешёвым мылом и сыростью. И тишиной. Слава богу, никого. Кабинки были пусты, двери приоткрыты. Я подошла к раковине, оперлась о холодный, влажный кафель и подняла голову.

В потускневшем, покрытом мелкими брызгами и трещинами зеркале на меня смотрела незнакомка. Бледная. С огромными тёмными глазами, в которых плескался немой ужас. Волосы, обычно такие яркие и пушистые, безжизненно облепили лицо. Это была не я. Это

была тень. Оболочка, из которой ушла вся энергия, весь свет, весь этот навязчивый, неугомонный «лучик».

Моё дыхание снова участилось. Короткие, ловящие ртом воздух вздохи разрывали тишину. Руки тряслись.

Может, это всё закончить? Я не могу это терпеть. Не могу терпеть этот цирк каждый день. Улыбки, которые режут губы. Слова, которые приходится выталкивать из себя. И эту новую фигну... эти чужие эмоции, которые лезут под кожу, как паразиты. Боль Марка. Холод Сина. Тихий ужас Кати. Они все внутри меня. И моё собственное нытье, этот вечный, фоновый шум отчаяния, который никуда не девается.

Я судорожно полезла в карман своей голубой блузки. Пальцы нащупали то, что искали – гладкий, холодный металл, свёрнутый в кусочек скотча. Я достала его, и кончик лезвия царапнул подушечку пальца. Резкая, точечная боль. Моя. Искренняя.

На пальце выступила капелька крови. Я поднесла палец к глазам, размазывая алую точку. Кровь как кровь. Яркая, живая, настоящая. Смотрела на неё, замороженная.

Чего с этого? Сорбсно, эта жизнь не улучшится. Это просто закончится. С этим и всё. Один точный, глубокий разрез – и тишина. Настоящая тишина. Никаких голосов. Никаких чужих чувств. Никакого этого вечного спектакля.

Я повернула лезвие, поймав тусклый свет лампы на его острой кромке.

Круг четвёртый: Вторжение. Катя.

Дверь туалета открылась с тихим щелчком. Я вздрогнула, инстинктивно сжав лезвие в кулаке, прижав его к груди. В зеркале, за моим отражением, появилось другое. Катя. Она стояла в дверном проёме, её лицо было невозмутимым, но глаза... глаза видели всё. Она всегда всё видела.

Пф. Думает, такая крутая, потому что постоянно молчит. Смотрит своими взрослыми, всепонимающими глазами. Ненавижу это. Ненавижу, когда молчат. Молчание – оно громче любого крика. Оно значит: «Я вижу тебя. И мне жаль». А я не хочу, чтобы мне жалели. Жалость – это признак того, что ты уже проиграл. Что ты — жалкий, сломанный предмет, на который можно только склонить голову.

Я быстро сунула руку с лезвием за спину, натянув на лицо маску. Улыбка получилась кривой, натянутой, как проволока.

— Привет, Кать. Тоже сбежала от митоза? — Иори, — её голос был тихим, но твёрдым, как сталь. — Зачем тебе лезвие?

Вопрос повис в воздухе, прямой и беспощадный. Она не спрашивала «что это», она уже знала. Она ещё и не тупая, — с горечью подумала я. Просто видит насквозь.

— Да просто так, – выпалила я, звуча фальшиво даже для собственных ушей. — Нашла. Собиралась выкинуть.

Она не поверила ни на секунду. Она сделала два быстрых шага вперёд. Я отпрянула, но было поздно. Её рука, сильная и цепкая, схватила мою запястье там, где я сжимала лезвие. Больно. Она провернула мою руку за спину, мягко, но неумолимо, лишая меня равновесия и любой возможности сопротивляться. Я ахнула.

— Катя, если ты хочешь БДСМ, то точно не в школьном туалете, — попыталась я парировать, но голос снова подвёл, задержав.

— Иори, — она сказала это прямо в ухо, и в её голосе впервые прозвучало что-то кроме тишины — резкое, почти злое. — Резаться – не вариант.

— Я как будто хочу покончить с собой! — выкрикнула я, и в этом крике вырвалась наружу вся накопленная ярость, боль, беспомощность.

Катя, если ты будешь громко говорить, то нас точно спалют, — пронеслось в голове уже чисто автоматически.

В ответ она не сказала ни слова. Она просто разжала мою руку, вынула лезвие и бросила его в раковину со звонким pling. А потом, всё так же держа мою руку, она левой рукой закатала рукав собственной серой кофты. До локтя. И показала мне.

Мир сузился до этой полоски кожи. Рука была... изрезана. Не беспорядочными, истеричными царапинами. Нет. Ровными, параллельными линиями. Старыми, белыми шрамами и свежими, розовыми полосками. Методичная, тихая летопись боли. Аккуратный, отчаянный приговор самому себе.

Меня ударило волной тошноты. Сильной, неконтролируемой. Не от крови. От... аккуратности. От холодного, расчётливого ужаса этого жеста. Это не вспышка, не крик. Это тихий, методичный, день за днём, шаг за шагом. Такое нельзя показывать. Такое нельзя видеть. Это страшнее, чем когда бьют. Когда бьют – ты знаешь врага в лицо. А это... это враг, который живёт внутри твоей же кожи. И я... я до ужаса боялась, что если буду смотреть на это слишком долго, то узнаю его. Узнаю и впущу к себе.

— Катя, отпусти, — прошептала я, и голос мой сорвался. — Отпусти и отойди.

Она послушно разжала пальцы. Я рванула прочь, к первой кабинке, упала на колени перед унитазом, и меня вырвало. Горько, пусто, мучительно. Слезы текли сами по себе, смешиваясь со всем этим позором. Чертова кровь. И эти порезы. Я ведь знала, что будет, когда увижу порезы. Особенно чужие. Я представляла, как оттуда течёт кровь, и мой мозг, мой жалкий, сломанный мозг, реагировал паникой, отторжением. Мои маленькие ссадины, мои царапины – такого не вызывали. Только чужие. Только чужие, ровные линии, говорящие о долгом, молчаливом отчаянии.

Позади раздался спуск воды. Катя нажала кнопку, смывая свидетельства моего позора. Потом я услышала, как течёт вода в раковине.

— Иори, давай вставай, — её голос снова был ровным, но теперь в нём слышалась усталость. Глубокая, как эти шрамы.

— Да... сейчас, — хрипло ответила я, вытирая рот и глаза тыльной стороной ладони. Так, Иори. Всё. Надо становиться. Становиться той, какой надо быть. Поднять. Собрать. Склеить.

Я встала. Колени дрожали, но я заставила их нести меня к раковине. Умылась ледяной водой. Подняла голову. В зеркале теперь нас было двое. Бледная, мокрая девочка с красными глазами. И за её спиной — другая, с закатанным рукавом и лицом, на котором не было ничего. Ни упрёка, ни жалости. Просто факт. Мы были зеркалами друг для друга. И оба отражения были разбиты.

Я медленно, с трудом, но всё же натянула улыбку. Она легла на лицо как гипсовая маска.
— Иори, с тобой точно всё в порядке? — спросила Катя, наблюдая за этой жалкой трансформацией.

— Я на все сто! В полном порядке! — мой голос прозвучал слишком громко, слишком радостно в этой кафельной коробке. — Просто... не позавтракала. Голова закружилась. Всё окей!

Она смотрела на меня, и я видела, что она не верит ни одному слову. Но она кивнула. Приняла правила игры. Она спустила рукав, скрывая карту своего ада. Я подобрала с раковины своё лезвие, завернула его в сухую бумажную салфетку и сунула в карман. Холодный, твёрдый комочек правды.

Круг пятый: Возвращение. Капитуляция.

Мы вышли в коридор. Шли молча. Наше молчание теперь было другим. Оно было тяжёлым, общим. Как саван.

И тут, когда мы уже подходили к двери в класс, в боку — знакомое жжение. Острая, колющая боль. Чужое. Не моё. Опять. Марк, наверняка, споткнулся где-нибудь, идиот. Или Син... нет, Син вряд ли. Он слишком осторожен, чтобы так падать. Эта боль — как паразит. Как чужой голос в голове, который ты не просил. И самое ужасное — что иногда она кажется тише, чем моя собственная. Потому что моя — это фон, белый шум существования. А ихнии — это громкий, наглый сигнал, что ты не одна в своей клетке. И от этого не становится легче. Становится в миллион раз страшнее.

Я не подавила виду. Просто слегка прижала ладонь к тому месту, где горело, и сделала глубокий вдох. Маска не дрогнула.

Я вошла в класс. Улыбка прилипла к лицу, как маска из быстротвердеющей глины. Валерия Романовна всё что-то говорила про синусы и косинусы, переключившись на геометрию. Марк строил Синну рожицу, пытаясь его разозлить. Син игнорировал его, дорисовывая какую-то безумно сложную схему. Глеб и Стас что-то шептались, поглядывая на меня. Всё было на своих местах. Всё, кроме меня.

Я села на своё место. Положила руки на парту, ладонями вниз. Под правой ладонью, сквозь тонкую бумагу салфетки, я чувствовала очертания лезвия. Холодное. Твёрдое. Реальное. Единственная правда в этом выдуманном мире.

Я прижала ладонь сильнее, пока холод металла не просочился сквозь кожу, напоминая мне, кто я и где я. Так. Теперь можно дышать. Теперь можно улыбаться. Теперь можно быть «Иори». Весёлой. Неугомонной. Лучиком света.

Я подняла глаза и встретилась взглядом с Синном. Он смотрел на меня не как на Иори, а как на задачу. На аномалию, которую нужно решить. И в его взгляде не было ни капли той простой человеческой тревоги, что была у Кати. Была только холодная констатация факта: «Ты вышла из строя. Нужна диагностика».

Я улыбнулась ему ещё шире. Он едва заметно нахмурился и снова уткнулся в тетрадь.

Четыре стены. Тридцать чужих жизней. Два отражения в одном разбитом зеркале.

И я.

Всё в порядке.

Всё в порядке.

Всё в порядке.

Глава 7. Сбой

От лица Сина

Так. Уроки закончились. Теперь можно

перейти от пассивного сбора данных к активному анализу. Марк уже ждал на улице. Мне были нужны ответы на эту абсурдную, нелогичную «фигню». Без его демонстрации с пощёчной я, возможно, продолжил бы игнорировать аномалии, списывая их на стресс или совпадение. Но теперь игнорировать было нельзя. Данные требовали систематизации.

– Катя, Иори, идёмте, – крикнул я через шум коридора.

Они обернулись. Иори, как обычно, улыбалась – тот самый яркий, ненастоящий щит, который я начал считывать как сигнал тревоги. Катя подошла молча, её глаза были пристальными и усталыми.

– Син, а где Марк? – спросила Катя.

– Он уже ждёт нас на улице. Пойдёмте.

Мы вышли из школы. Осенний воздух был прохладным и резким. Я почти физически ощущал, как моё терпение истекает. Мне нужны были цифры, графики, причинно-следственные связи. А вместо этого – тепло в груди, щекотка под кожей, взгляд Иори, в котором я читал вопросы, на которые у меня не было формул. Я ненавидел эту неопределённость. Ненавидел сильнее, чем мог признаться даже самому себе.

Мы подошли к нашему месту у старого дуба, где Марк нервно переминался с ноги на ногу. И в этот самый момент у меня в кармане зазвонил телефон. Частный номер. Только один человек звонил с него.

– Рейки? Что такое? – спросил я, отойдя на пару шагов.

– Брат... приди домой, пожалуйста, – её голос звучал тонко, почти шёпотом, но в нём была та самая нотка, которую я не мог проигнорировать. Не истерика, а тихая, сдержанная просьба о помощи.

– Хорошо, – коротко сказал я. – Сейчас.

Я повесил трубку. Значит, совещание откладывалось. Ответы на «фигню» приходилось брать в кредит.

– Син, что такое? – спросила Иори, тут же оказавшись рядом.

– Сестра. Срочно зовёт домой, – ответил я, пытаясь сохранить ровный тон.

– Сестра люб! – тут же выпалил Марк, но в его шутке не было обычного задора. Он понимал.

Катя лишь кивнула, и в её лёгкой улыбке сквозило понимание. Она знала про Рейки.

– Син, а давай мы с тобой пойдём? – неожиданно предложила Иори, и её глаза загорелись искренним интересом. – Я давно не видела твою сестру! Да и... ты же не откажешься от помощи?

– А... эм... – мой мозг, обычно такой быстрый, на секунду завис. Я не ожидал такого поворота. Я просчитывал варианты отговорок, но все они казались неуклюжими и грубыми.

– Иори, как всегда, – вздохнул Марк, но тут же подхватил: – Ну, я не против. Это, возможно, лучшее предложение. Раз уж наше расследование откладывается, хоть разведемся. А то тут одни загадки.

– Впервые будем в гостях у Сина, – тихо заметила Катя, и в её голосе прозвучало что-то вроде вызова. Как будто она хотела увидеть, где и как существует тот Син, которого они знают.

Я не мог им отказать. Не было логичной, весомой причины. Было лишь внутреннее сопротивление – инстинктивное желание оградить свой дом, своё единственное приватное пространство, от этого нарастающего хаоса. Но сопротивление было иррациональным. А иррациональность я отрицал. Поэтому я просто кивнул.

– Хорошо. Но сначала зайдём в магазин. Рейки просила конфет.

– О! Отлично! – обрадовалась Иори. – Син, а сможешь мне тоже купить что-нибудь сладкое? На дорогу?

Я снова кивнул и, сам не понимая зачем, провёл рукой по её голове, поправляя непослушные пряди. Жест вышел машинальным, почти отцовским. Иори на секунду замерла, а затем просияла ещё ярче.

И вот мы, уже квартетом, двинулись в сторону магазина. По дороге Марк пытался разрядить обстановку дурацкими шутками про «симфонию странностей», а Катя молча слушала. Иори болтала без умолку, и её голос, такой громкий и живой, был странным контрастом с тишиной, что зрела во мне.

В магазине я сразу направился в отдел со сладостями, и Иори, как тень, последовала за мной.

– Так... «Рафаэлло» дорогое. Может, купить других конфет? – пробормотал я, изучая полки, как будто от этого выбора зависела судьба мира.

– Син, – она коснулась моего локтя, заставив вздрогнуть. – Бери вот эти батончики, «Номер один». Они вкусные, и Рейки скорее всего понравятся. Вот, смотри, с фундуком.

Она протянула упаковку. Я взял её, и наши пальцы едва соприкоснулись. Она замерла на секунду, изучая этикетку. Улыбка сползла с её лица, оставив сосредоточенное, почти отстранённое выражение. Это было то самое редкое лицо «настоящей» Иори – не придуманной для мира, а существующей где-то глубоко внутри. Меня на секунду поразила мысль: я, возможно, один из немногих, кто видит это. И это знание было одновременно привилегией и тяжёлым, непонятным грузом.

– Спасибо, – сказал я. – А тебе тогда что взять?

– Дай подумать...

И она действительно задумалась, прикусив губу. Её брови слегка сдвинулись. В этот момент она не играла.

– А как насчёт тебя? – вдруг спросила она, подняв на меня глаза.

– А? Чего? – я переспросил, не понимая.

– Говорю, как насчёт тебя? – повторила она, и в её глазах мелькнула какая-то сложная смесь – вызов, любопытство, может, даже забота. – Ты всегда для сестры, для нас, для проблем... А себе? Чего ты хочешь? Хоть раз?

Мой мозг снова дал сбой. Вопрос был настолько простым и настолько чудовищно сложным, что я не нашёл ни одной подходящей алгоритмической ветки для ответа. Я не умел думать о своих желаниях. Они были вне системы.

– Иори, что с Сином? – подошёл Марк с корзинкой, где лежала газировка и чипсы.

– А он не может понять намёков, – вздохнула Иори, и маска весёлой дурочки мгновенно вернулась на место. Она взяла с полки плитку горького шоколада. – Ладно, Син, мне ничего не надо. Ты лучше бери конфеты для сестры, и мы пойдём. А то Катя уже, наверное, заскучала у входа.

– А, да, точно, – я кивнул, чувствуя глупое облегчение от того, что давление спало. Я начал методично складывать в корзину батончики, которые она посоветовала.

У кассы я столкнулся с Сашей. Девочка, к которой я вчера ходил по просьбе Дэ. Она стояла с маленькой сумкой, выглядела уставшей.

– Саша, привет.

– Привет, Син. Спасибо тебе за вчерашнее. За книги.

– Да не за что, – пожал я плечами. – Всё в порядке?

– Пока да. Син... есть какие-то новости со школы? – её вопрос прозвучал слишком осторожно.

– Никаких. Там всё нормально, – ответил я, стараясь звучать убедительно.

– Это хорошо, – она кивнула и вдруг протянула мне маленькую, изящно упакованную коробочку. – И на это тебе.

Я взял её, озадаченно повертел в руках. Это была дорогая японская ручка.

– Спасибо, Саша. Но... в честь чего?

– Син, ты дурак, – фыркнула Иори, появившись как из-под земли. – Это тебе за помощь!

Я покраснел. Саша смущённо улыбнулась.

– Дэ... передавал, что ты... ну, справляешься. Держись, – сказала она тихо, с подтекстом, который я уловил, но не смог расшифровать. Она знала что-то. Или догадывалась.

– Ладно, не буду вам мешать, – кивнула она и быстро ушла.

Я даже не успел толком поблагодарить. Иори уже тащила меня за рукав к выходу, забрав у меня пакет с покупками.

Дорога до моего дома заняла около двадцати минут. Мы шли не спеша. Марк и Катя шли чуть позади, о чём-то тихо разговаривая. Иори болтала без остановки, пересказывая сюжеты аниме, строя планы на выходные, спрашивая о Рейки. Я отвечал односложно, большей частью кивая. В какой-то момент мы заговорили о новеньких, которые должны были прийти в понедельник – Фросте и Роуче. Марк строил нелепые теории об их происхождении, от которых даже Катя тихо посмеивалась. И тут я вспомнил, что забыл предупредить Сашу о них. Мысленно добавил это в список неотложных дел. Ошибка. Надо было сообщить.

Когда мы, наконец, подошли к моему дому – современному, неприметному кирпичному зданию на тихой улице – и я открыл дверь ключом, первым ворвалась внутрь Иори с возгласом «Вау!». Рейки, услышав шум, выбежала из своей комнаты и, не разбирая дороги, запрыгнула мне на шею.

– Братик, ты пришёл! Наконец-то!

– Рейки, привет, – я снял её с себя, как котёнка. – Смотри, кого я привёл.

– Приве-е-ет! – протянула Иори, и её улыбка стала вдруг мягче, искреннее. – Помнишь меня?

Рейки, моя застенчивая сестра, кивнула, улыбаясь, и неожиданно взяла Иори за руку.

– Конечно помню! Пойдём, я тебе свою новую коллекцию покажу! – И она потащила Иори вглубь квартиры, оставив меня, Марка и Катю в прихожей.

– Ну что, проходите, – сказал я, снимая куртку.

Мы прошли в гостиную, а затем я провёл их в свою комнату. Она была такой, какой и должна быть комната Сина: идеальный порядок, книги и тетради на полках рассортированы по темам и алфавиту, на столе стоял мощный компьютер, а на стене висела большая маркерная доска, на которой сейчас красовались остатки вчерашних расчётов по физике.

Марк присвистнул, обводя взглядом пространство.

– Син, почему ты не говорил, что у тебя... пятикомнатная квартира? И комната размером с мой будущий гараж!

– Как-то повода не было, – ответил я, садясь за компьютерный стол. – И после нашего переезда из Японии я не хотел акцентировать на этом внимание. Это просто жилплощадь.

– У нашего самого бесчувственного друга есть нормальная жизнь, – заметила Катя, осторожно присаживаясь на краешек кровати. В её голосе не было зависти, только констатация.

– Ну, это было обидно, – парировал я. – И я бы не сказал, что она сильно отличается от моей жизни в школе. Та же система, только в других масштабах.

– Ладно, хватит о квадратных метрах, – Махнул рукой Марк, устраиваясь на ковре. – Вернёмся к нашей аномалии. Мне кажется, это не просто так. Это от чего-то зависит.

– Я согласна, – тихо сказала Катя. – Как я поняла, это передаётся на расстоянии. И это могут быть как эмоции, так и физические ощущения.

– Да, – кивнул я. – Это рабочая гипотеза. Потому что я чувствовал и тепло (эмоция?), и боль (ощущение), и... – я запнулся.

– И что? – поднял бровь Марк.

– И щекотку, – выдохнул я. – Только что. Пока мы здесь сидим.

Это началось без предупреждения. Не боль, не тепло. Щекотка. Навязывая, невыносимая, будто под кожей на рёбрах завелись невидимые насекомые и методично, с одинаковыми интервалами, пробегали туда-сюда. Я сгрёбся, едва сдержав рывок. Это было унижительно. Панически стыдно. И я знал. Это не моё. Это было слишком... живое, слишком смущённое, чтобы быть моим. И в квартире был только один источник таких неконтролируемых, детских эмоций. Иори. С Рейки. Они что-то делали там, в комнате.

– Что? Прямо сейчас? – встрепенулся Марк.

Я кивнул, стараясь дышать ровно. Ощущение медленно отступало, оставляя после себя странное, тревожное эхо.

– Я вот думаю, этот феномен зависит только от нас четверых, – продолжил я, когда смог говорить ровно. – И мы должны понять триггеры. А вот сейчас я уверен, что источником была Иори.

– Давайте вспомним парад, – предложил Марк. – Катя, что ты тогда чувствовала? Конкретно.

Катя закрыла глаза, словно прислушиваясь к памяти.

– У меня... перехватило дыхание. Будто на грудь положили тяжёлый камень. И было чувство... всепоглощающей скорби. Но не моей. Чужой. Очень старой.

– У меня было удушье и судорога в ногах, – добавил Марк.

– А у меня – сжатие в груди и головокружение, – сказал я. – И у Иори, судя по её реакции, было что-то похожее. Вывод: каждый может быть как источником, так и приёмником. И передаваться может комплекс ощущений и эмоций.

– Син, я ничего не понимаю, – честно признался Марк. – Как это работает? Радиоволны? Телепатия?

Я взял с доски чистый лист бумаги и чёрный маркер. Нарисовал четыре кружочка, подписал: С, М, К, И. Потом от кружка «И» провёл стрелку к кружку «С» и подписал: «Щекотка, смущение. 17:45». Потом от «С» к «М»: «Пощёчина, боль. Школа». От «М» к «К»? Нет данных. От «К» к «И»? Тупик.

– Так. То есть ты хочешь сказать, эта штука сама выбирает, кому передаваться? – спросила Катя, вглядываясь в схему.

– В принципе, да. Но механизм выбора неизвестен. Может, зависит от дистанции, от эмоциональной близости в момент передачи, от типа ощущения... – я отложил маркер. – Предлагаю для простоты называть это явление «Феномен». Для внутреннего пользования.

– Согласен, – кивнул Марк. – Звучит как научное название для полной хрени.

Мы попытались обсудить возможные причины, триггеры, но упирались в отсутствие данных. Марк предложил абсурдную, но заставляющую задуматься идею: «А может, это как в онлайн? У кого пинг меньше, тот и чувствует первым? У Иори, наверное, гигабитный интернет в душе». Катя высказала самое тревожное предположение, глядя в окно: «А если это не выбирает? А если оно передаётся... самому уязвимому в данный момент? Или тому, кто ближе всего эмоционально к источнику?» Её слова повисли в тишине комнаты, холодные и тяжёлые. Если это правда, то наши связи – не случайность, а система слежения за слабостью.

Ни к какому выводу мы не пришли. Марк и Катя вскоре ушли – Марку надо было домой, Катя сослалась на усталость. Но мы договорились: если чувствуем сильный «Феномен», сразу пишем в общий чат. Фиксируем время, ощущение и своё состояние.

Я остался один в тишине квартиры. Пошёл на кухню, заварил чай – механические действия успокаивали. Потом решил позвать девочек. Подошёл к двери комнаты Рейки. Она была приоткрыта. Я собирался постучать, но замер.

Дверь была приоткрыта. Я увидел свет из окна на коже. Изгиб плеча. Линию ключицы. Иори сидела на кровати спиной ко мне, её голова была склонена, а спина... обнажена. Рейки что-то смазывала ей на лопатке, вероятно, крем или мазь от старого ожога, о котором я не знал. Мой процессор на секунду завис. Данные (визуальные, социальные, этические) поступили, но не были обработаны. Сформировалась только одна команда: ОТСТУПИТЬ.

Я резко захлопнул дверь.

– Простите! Я не хотел! – выпалил я в деревянную поверхность, чувствуя, как жар приливает к лицу.

Из-за двери донёсся смех Рейки и спокойный голос Иори:

– А, Син? Как будто ты не видел...

– Нет! Не видел! – рявкнул я уже почти отчаянно и отшатнулся от двери.

Тут из комнаты вышла Рейки, хихикая.

– Братик, ну ты и пошляк!

– Рейки, я не пошляк! – парировал я, но защита звучала слабо.

И в этот самый момент в кармане завибрировал телефон. Сообщение от Марка.

Марк: Эй, Син. Я пару секунд назад почувствовал смущение. Сильное. И Катя только что написала – у неё было удивление. У тебя что-нибудь было?

Я замер. Так. Значит, это был не единичный «сигнал». Когда Иори удивилась (из-за моего вторжения?) и когда я смутился, это почувствовали одновременно двое из четырёх возможных приёмников. Интенсивность, дистанция, эмоциональная связь... Надо записать. Я ответил коротко: «Понял. не было. Смущение. Детали позже.»

Я пошёл на кухню. Сел за стол. Поставил перед собой чашку с чаем. Руки были чуть влажными. Син, у тебя сейчас большие проблемы. Ты теряешь хватку.

Из комнаты доносился сдержанный смех Иори и щебет Рейки. Лёгкость. Простота. Вещи, к которым у меня не было доступа.

Я сделал глубокий вдох. Потом выдох. Так, как меня учили. Не проявлять эмоции. Держать дистанцию. Контролировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.